

УДК 101

Т.В. Душина

Невинномысский государственный

гуманитарно-технический институт, г. Невинномысск, Россия

А.А. Лагунов

Северо-Кавказский федеральный университет,

г. Ставрополь, Россия,

emailag@mail.ru

«НАРОД – БОГОНОСЕЦ»: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДАННОСТЬ ИЛИ МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ЗАДАННОСТЬ?

**[Dushina T.V., Lagunov A.A. «People – God bearing»:
is it a social and historical given or metaphysical model?]**

The article is based on analyzed diaries by Fyodor Dostoyevsky, the thought of cultivating the «people - the God-bearer», criticized modern competence-based approach to education, from the last emasculatory humanitarian component necessary for the formation of creative possibilities of an independently thinking person. The article affirms the need for continuity of sociocultural traditions in a globalized society, diversity of ethnocultural leveling characteristics. It emphasizes the social and historical role of Orthodoxy in the formation of the Russian people and draws attention to the scientific community to the idea of Fyodor Dostoyevsky, which can be considered as spiritual testament of Russian socialism encouraged to combine the Socialism and Christianity. It is suggested that the great writer thought, «God-bearing people» not as a socio-historical reality, but as a metaphysical quests opportunity.

Key words: competence approach, globalization, postmodernism, relativization of morality, Russian Socialism.

«Народ встретит атеиста и поборет его, и станет единая православная Русь. Берегите же народ и оберегайте сердце его. В тишине воспитайте его. Вот ваш иноческий подвиг, ибо сей народ – богоносец».

(Ф. М. Достоевский) [1, с. 377].

Произведения Ф. М. Достоевского, обладавшего несомненным пророческим даром, поражают своей актуальностью. Прошло полтора столетия, но по улицам российских городов по-прежнему бродят задумчивые мыслители, решающие те же самые проблемы, что и их великий предшественник. Уже и атеист почти «поборен», и Православие обретает силу, и о сбережении наро-

да много говорят, и даже делают что-то для этого. Но вот вопрос о воспитании русского народа, без которого невозможно выполнение его метафизического задания – быть «народом-богоносцем» (ведь не считал же писатель, что русский народ является богоносцем уже по факту своего существования, что характерно сегодня для националистически настроенных «знатоков»!) – на повестке дня пока не стоит, напротив, создается впечатление, что все делается как раз для того, чтобы это задание не выполнить.

Не будем углубляться в фактические и психологические тонкости споров сторонников реформ образования и их противников, у которых в запасе множество достойных аргументов pro и contra, попытаемся только философски постичь смысл проводимых реформ, акцентировав внимание на их сердцевине – восхваляемом «компетентном подходе». Казалось бы, компетентность – это вовсе неплохо, даже и хорошо очень, ведь «обладание знаниями, позволяющими судить о чем-л.» [6, с. 247] вызывает только уважение, «Знания и опыт в той или иной области» [7, с. 614] необходимы всякому профессионалу. Но выбросьте старые словари на свалку, понятия, значения которых они описывали, безнадежно устарели, теперь в моде иные дефиниции. Места профессионалов заняли компетентные личности, для которых сама компетентность стала постмодернистской «поверхностью», способностью к виртуозному скольжению по опасно изменяющейся реальности, к приспособлению к ней.

Судите сами. В необычайно популярном сегодня и активно распространяемом во всех вузах учебно-методическом пособии «Проектирование основных образовательных программ вуза при реализации уровневой подготовки кадров на основе федеральных государственных образовательных стандартов» вначале утверждается, что компетенции представляют собой *«динамичную совокупность знаний, умений, навыков, способностей и личностных качеств»* [4, с. 8]. С этим трудно не согласиться. Однако далее констатируется, причем с рекруттированием слова «очевидно», «что в классической отечественной триаде ЗУНов – знаний, умений, навыков – основное внимание уделялось и поныне уделяется первому элементу, тогда как умение и навыки нередко играют вспомогательную роль» [4, с. 105]. К сожалению, авторы пособия не утрудились аргументировать свою констатацию, поскольку для них это «очевидно», но ведь совсем не очевидно для людей уже старшего поколения, лично знакомых с прежней, ставшей клас-

сической (и за это отвергаемой) системой образования, в которой немалое внимание уделялось и практической составляющей, и, главное – выработке у человека способности самому получать и совершенствовать знания, если это необходимо для практической деятельности.

Очевидность в этой констатации, как видно, действительно, враг истины. Но она помогает авторам пособия прийти к основополагающему своему заключению: «Если традиционная педагогика (“педагогика ЗУНов”) аналитична, потому что предполагает разделение на части единого процесса профессиональной деятельности, выделяя в нем прежде всего, теоретический и практический аспекты, то современная педагогика (“педагогика компетенций”), не отрицая необходимости аналитического разделения при обучении, выступает за дальнейший синтетизм, объединение теории и практики, что достигается в процессе непосредственной профессиональной деятельности или ее игровой имитации» [4, с. 129].

Не трудитесь искать здесь логику, на основании которой две педагогики противопоставляются, ее нет, как нет и убедительной дефиниции понятия компетенции, отличной от ЗУН-овских «знаний, умений, навыков». Ведь ключевое слово в последнем утверждении – «игровая имитация», которая, к сожалению, распространяется сегодня не только на учебный процесс, но и на саму профессиональную деятельность. В релятивистском мире «симулякров» только имитация и возможна, а борьба с логоцентризмом приводит к забвению даже формальной логики.

Тем не менее, ошибкой будет считать постмодернистский дискурс неким идеологическим фактором, причиной хаотизации общественной жизни. Скорее верно обратное: этот дискурс отражает хаос в умах, разруху в головах, потерю жизненных целей и ценностей, что неизбежно при отрицании социокультурной традиции. А постмодернистское образование так называемого «постсовременного» социума, понижая статус всякого культурного феномена до относительного нарратива, стремится возвести новое благолепное здание без фундамента, этим-то оно и опасно. О каком уж тут «воспитании» народа-богоносца «в тишине» может идти речь!

Невредно было бы реформаторам российской образовательной системы перечитать и, главное, услышать и понять мысли Ф. М. Достоевского, например: «Там, где образование начиналось с техники (у нас реформа

Петра), никогда не появлялось Аристотелей. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудость мысли» [3, с. 312]. Мы же все нескончаемо спорим – нужно ли гуманитарное образование инженерам и техникам? А нужно человеку мыслить самостоятельно? Даже если он инженер? Но без гуманитарной подготовки ни о каком самостоятельном мышлении говорить не приходится, без нее инженер не станет изобретателем. Откуда же возьмутся искомые нами инновации? Снова, как при Петре, из-за границы? Немецкая слобода перемещается в Сколково? Быть может, это действительно единственный эффективный способ возрождения науки, только отличается он от петровского: преобразователь звал немцев, чтобы научить своих, мы же почти демонтировали свое совсем неплохое образование, и теперь зовем «немцев». Только вот захотят ли они учить нас в эпоху глобализации, когда борьба за существование народов, за их «место под солнцем» при ресурсной ограниченности многократно усилилась?

Вся идея современного варианта глобализации исходит из старого линейно-прогрессистского предположения о том, что цель у человечества одна. Между тем есть веские основания для того, чтобы усомниться в этом предположении. Идеал «общечеловечества» сформировался в эпоху секуляризма, когда вера, без которой невозможно трансцендирование к идеальной цели, начала претерпевать существенные изменения, обуславливающиеся трансформацией представлений о ее объекте. Однако Ф. М. Достоевский утверждал: «Отсутствие Бога нельзя заменить любовью к человечеству, потому что человек тотчас спросит: для чего мне любить человечество?» [3, с. 610]. Простой и вместе с тем глубокий вопрос: действительно, пусть мы будем любить все человечество хоть каждый день с утра до вечера, тем более что это нам особых трудов не составит, в отличие от любви к ближнему своему (сварливой жене, неуживчивому соседу, строгому начальнику), но зачем? Что из этого последует? То есть, ради какой цели? И вот здесь ларчик и начинает открываться: цели-то у участников современных глобализационных процессов разные, а часто и противоположные. При этом лидеры этих процессов собственные, далеко не бескорыстные цели камуфлируют мифологемой об общем пути и недалеком коллективном счастье всего человечества. Пока же это «счастье» объективируется в кризисах и бомбометаниях, но ведь известно же давно, что несколько вычеркнутых из жизни поколений для

«светлого будущего» – только великолепная унавоженная почва. (Ирония истории: если народ не хочет удобрять свою почву традициями поколений, он унавоживает ее не делами, но в прямом смысле – телами.)

«Социалисты хотят переродить человека, *освободить* его, представить его без Бога и без семейства. Они заключают, что, изменив насильно экономический быт его, цели достигнут. Но человек изменится не от *внешних* причин, а не иначе как от перемены *нравственной*. Раньше не оставите Бога, как уверившись математически, а семейства прежде чем мать не захочет быть матерью, а человек не захочет обратить любовь в клубничку. Можно ли достигнуть этого оружием? И как сметь сказать заранее, прежде опыта, что в этом спасение? И это рискуя всем человечеством. Западная дребедень» [3, с. 180].

Слова, бьющие прямо в сердце не растерявшего остатки совести современного человека, удивительное прозрение мыслителя, предупреждение из прошлого, не услышанное нами вовремя... Мы освободили человека от нравственности, до неузнаваемости исказив христианское понимание свободы. Наука нам теперь уже «доказала», что Бога нет (хотя какая наука, кроме теологии, имеет в качестве предмета своего изучения Бога? честнее, пожалуй, у Остапа Бендера: Бога нет, это медицинский факт!), институт семьи распадается не без помощи ювенальной юстиции, любовь сделалась порнографией, не различающей пол и трактующей прелюбодеяние и мужеложество как «отклонения в пределах нормы». Еще шаг, и такими отклонениями мы будем считать убийства, лжесвидетельствования, предательства. Или этот шаг уже сделан?

Духовно-нравственный кризис сегодня у всех на устах, слышны голоса в пользу государственного вмешательства в процесс восстановления «духовных скреп» общества, и даже создания некоей официальной идеологии. Но ведь давно известна истина о том, что государство призвано ограждать нас от зла, а для того чтобы вести к добру существуют другие институты (когда же государство узурпирует функцию распознавания блага и определения путей к нему, это всегда заканчивается тоталитаризмом). И исторически (а не потому, нравится кому это или нет) в России в качестве такого института доминировало Православие: «*Формула*. Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что православие все» [3, с. 682]. Однако чем больше укрепляется в нашем обществе доверие к Церкви, тем чаще слышны крики воинствующих атеистов, приписывающих ей

все возможные и вымышленные грехи. Причем их аргументация весьма посредственна и страдает, прежде всего, незнанием того предмета, против которого направлена, подобные аргументы вообще-то никогда, нигде и ни в каком научном сообществе не принимались во внимание. Но для Интернета и СМИ доказательства ведь никакие и не нужны, главное – погромче и пофантастичнее крикнуть. Очень хочется современным глашатаям лжи процитировать слова Ф. М. Достоевского: «Изучите православие, это не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, вполне вот те живые силы, без которых нельзя жить народам. В нем даже мистицизма нет, – в нем одно человеколюбие, один Христов образ» [3, с. 570]. Изучите, и тогда ваша аргументационная база может стать доказательнее, ведь Церковь есть общество кающихся грешников, она не только устремлена ввысь, но и погружена в мир, который «во зле лежит». Но скорее наоборот: почувствовав вкус к христианскому любомудрию, вы не захотите выныривать из его глубин на поверхность философской нищеты. Во всяком случае, такого в истории мысли пока не наблюдалось.

«Христианство есть доказательство того, что в человеке может вместиться Бог. Это величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть», – взывает к нам Ф. М. Достоевский [3, с. 616]. Но если Бог входит в человека, это означает, что в последнем не все принадлежит ему, не все субъективно: «Нравственные идеи есть. Они вырастают из религиозного чувства, но одной логикой оправдаться никогда не могут... Вы тогда не будете разбиты, когда примите, что нравственные идеи *есть* (от чувства, от Христа), доказать же, что они нравственны, нельзя (соприкосание мирам иным)» [3, с. 695]. Только здесь, в религии, можно искать объективные основания нравственности, и только так преодолевается моральный релятивизм, разъедающий современные общества: если Бога нет, то все позволено.

Таким образом, не нужны никакие придуманные идеологии, никакие устроющие все человечество социальные системы в «математических головах» реформаторов, у русского народа всегда была идея, скрепляющая его и позволяющая преодолевать социально-исторические перипетии – идея православная. В. В. Зеньковский полагал, что Россия избрана быть «светильником Православия», однако при этом призывал не ставить знак равенства между Россией и Православием, поскольку связь между ними – метафизическая, не подчиняющаяся закону тождества: «Россия призвана быть светильником Пра-

вославия, но она может выполнить свое призвание лишь в акте свободного поклонения Православию; лишь свободное, глубоко оплодотворяющее духовную жизнь народа поклонение Православию может сделать его творческим началом для нашей культуры, – а без этого нам не стать светильниками Православия, не вынести его из-под спуда, чтобы увидела и возрадовалась ему истомившаяся, жаждущая Бога душа западных народов, далекий Восток» [2, с. 57].

России не быть без Православия, слишком укоренилась в веках метафизическая связь между ними. А значит, не быть и русскому народу, если он не осуществит своего метафизического задания, не станет народом-богоносцем. Православию же без России будет трудно, но оно все же будет до конца веков, и об этом у нас есть Откровение.

Что же необходимо русскому народу для того, чтобы реализовать свой потенциал в социально-историческом процессе, и почему он не свершил этого ранее? Ответ на этот вопрос мы снова находим у Ф. М. Достоевского: «Как же так? Неужто русский мужик бездельничал? Нет, конечно. Трудился, как всегда, до седьмого пота. Но *Дела* действительно не было. Чтоб по плечу, большого, *общего* дела... Только вот в Отечественную и почувствовал – пришел час, больше некому. Ну и показал, на что способен» [5, с. 330]... «Да, лик мира сего требует обновления, возрождения. Главное – сохранить бы народную нравственность, культуру, идеалы народные; разгадать бы тайну народного безмолвия. Помочь бы народу стать личностью – вот задача, а для этого нужна идея общего дела, которая объединила бы всех в единое целое, в нацию, ибо народ, ставший нацией, – духовно взрослый народ; нация – не что иное, как народная личность... Не цивилизацией расцветает народ, но идеей – тогда и цивилизация в пользу пойдет» [5, с. 330].

Однако русский народ, как это ясно осознавал мыслитель, духовно болен, но при этом верил, что, невзирая на свою «жестокую болезнь», все же сохранил в здравии главную и мощную «сердцевину души» – *жажду правды*, остающуюся неутоленной. Какое же великое общее дело может излечить русский народ, дать ему возможность осуществить свое метафизическое задание и отыскать пути к правде? Нет, не заморские идеи общественного переустройства, хотя у социалистических теорий и есть свои резоны, тем более не лживые посулы капитализма – соблазн народа развратом буржуазности представлялся Ф. М. Достоевскому необходимым условием преклонения перед апокалипсическим зверем.

Завещанием мыслителя стали проникновенные строки «Дневника писателя», корректируемые им за день до окончательного ухода в «миры иные», которых ранее только прозорливо «касался». Понимая, что может подвергнуться осмеянию, он все же произносит свое *последнее слово* в *главном* для человечества споре, ведущемся между безбожным социализмом и христианством, между идеей внешнего переустройства жизни, превращения камней в хлебы, и идеей внутреннего преображения человека, который не хлебом единым жив: социализм и христианство должны соединиться в идее *русского социализма*: «Вся глубокая ошибка социалистов в том, что они не признают в русском народе церкви. Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, я про наш русский социализм теперь говорю... Я говорю про неустанную жажду в народе русском всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения... Я желал бы только, чтоб поняли беспристрастно, что я лишь за народ свой стою прежде всего, в его душу, в его великие силы, которых еще никто из нас не знает во всем объеме и величии их, как в святыню верую... И жажду лишь одного: да узрят их все. Только что узрят, тотчас же начнут понимать и все остальное. И почему бы все это мечта?...» [5, с. 535-536].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // Собрание сочинений в 12 томах. Т. 11. М., 1982.
2. *Зеньковский В. В.* Россия и Православие // Собрание сочинений. Т. 2. М., 2008.
3. *Неизданный Достоевский.* Записные книжки и тетради 1860-1881 гг. М., 1971.
4. Проектирование основных образовательных программ вуза при реализации уровневой подготовки кадров на основе федеральных государственных образовательных стандартов. М., 2010.
5. *Селезнев Ю. И.* Достоевский. М., 1981.
6. Словарь иностранных слов. М., 1988.
7. Советский энциклопедический словарь. М., 1987.

REFERENCES

1. *Dostoevsky F.M.* The Brothers Karamazov // Collected Works in 12 volumes. 11. T. M., 1982.
2. *Zenkovsky V.V.* Russian Orthodoxy // Collected Works. 2. T. M., 2008.
3. Unpublished Dostoevsky. Notepads and notebooks 1860-1881. M., 1971.
4. Design of the main educational programs of the university in the implementation leveling training on the basis of the federal state educational standards. Moscow, 2010.
5. *Seleznev Y.I.* Dostoevsky. M., 1981.
6. Dictionary of foreign words. M., 1988.
7. Soviet Encyclopedic Dictionary. M., 1987.

5 октября 2014 г.
